

Он свидетельствовал не только о людях. В сферу его свидетельской ответственности входили цвета, запахи, звуки, на фоне которых все эти годы творилась история. Они не просто обрамляли историю, они были самым непосредственным и реальным ее планом, который по странности и становится первой жертвой забвения. За скрупулезными описаниями «Воспоминаний» открывается иное измерение, где свидетельство об обычных, казалось бы, людях и вещах обретает свой самый глубокий и радостный смысл: «Бог сохраняет все».

Сейчас к изданию готовится еще одна книга воспоминаний. На этот раз это будут воспоминания о нем. Желание издать такую книгу диктовалось не только искусством рассказать о чем-то, что осталось «за кадром» его «Воспоминаний», — оно было вызвано и естественным чувством справедливости. Тот, кто свидетельствовал о стольких людях (ведь «Воспоминания» менее всего посвящены ему самому!), вправе иметь и своих свидетелей. В связи с этим в голову закрадывается дерзкая мысль: не является ли плюсквамперфект «Воспоминаний» своего рода приглашением к продолжению?

Публикуемые в этом номере «Звезды» тексты — фрагменты будущей книги, которая делалась с любовью. Может быть, поэтому всем, кто принимал участие в ее создании, хотелось избежать излишней «лепоты» и стерильности, характерных для многих изданий in memoriam. Книга — живая, менее всего она виделась тяжеловесным памятником, а если и памятником, то — теплым и доступным, которого, как шемакинского Петра, можно коснуться рукой. Ведь по большому счету книга эта — не об умершем человеке и не об ушедшей эпохе. Следуя русской традиции помещать все лучшее в будущем, можно сказать, что она — о человеке, опередившем свое время. Это позволяет надеяться, что его эпоха еще впереди.

О. В. ПАНЧЕНКО

«СОКРОВЕННЫЙ СЕРДЦА ЧЕЛОВЕК»

Однажды, присутствуя при беседе Дмитрия Сергеевича с корреспондентом журнала «Du» Хельгой Лайпхехт (беседа происходила летом 1998 года на даче Дмитрия Сергеевича в Комарове), я услышал его размышления о «топосе» острова в его судьбе.

Рассказывая о культуре Петербурга первой четверти XX в., складывавшейся из множества «культурных островов», Дмитрий Сергеевич заметил среди прочего, что и большая часть его жизни также была связана с «островами». Сначала это был Петроградский остров, на котором он жил с детства со своими родителями; потом — «лагерь особого назначения» ГПУ на Соловецком острове; после возвращения с Соловков он создал свой «личный остров», отгороженный от остального мира его работой и его семьей.

На этом «острове» он и прожил многие годы своей «пустынноческой» жизнью, о которой никогда вслух не говорил. Но «сокровенный сердца человек» (1 Петр. 3, 4) невольно проявлялся в его облике и взгляде, в его симпатиях, в записных книжках и в переписке, наконец, — в воспоминаниях. Сейчас все чаще говорят о необходимости посмотреть на Д. С. Лихачева как на религиозного мыслителя — и это справедливо. Разумеется, об этой сфере его жизни невозможно рассказать в небольшом очерке.

Олег Витальевич Панченко (род. в 1963 г.) — филолог-медиевист, сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор статей по истории монастырской культуры Древней Руси, участник двадцатитомного издания «Библиотека литературы Древней Руси». Живет в С.-Петербурге.

Читателю предлагается лишь несколько штрихов к «духовному портрету» Дмитрия Сергеевича — по его публикациям, высказываниям и записям разного времени.

«Мы не пели патриотических песен — мы плакали и молились» («Воспоминания». СПб., 1997). Это сказано о времени гонений на церковь в 1920-е годы, когда он стал членом кружка И. М. Андреевского, впоследствии преобразованного в «Братство Серафима Саровского». А вот о ленинградской блокаде: «Все было настоящее. Разверзлись небеса, и в них виден был Бог. Его ясно видели хорошие. Совершались чудеса». А вот о своей молитве при артобстрелах: «Ясно был слышен немецкий выстрел, а затем на счете 11 — разрыв. Когда я слышал выстрел, я всегда считал и, считав до 11, молился за тех, кто погиб от разрыва».

Вспоминал Дмитрий Сергеевич и о тех священниках, которых он знал в молодости благодаря их близости к «Братству Серафима Саровского»: об о. Сергии Тихомирове, о. Федоре Андрееве, о. Викторине Добронравове. Все они были «иосифлянами» (так назывались сторонники митрополита Ленинградского Иосифа, не принявшего «декларацию 1927 г.» митрополита Сергия и его политику подчинения церкви советской власти).

«Иосифлянином» был в те годы и Д. С. Лихачев — так же, как и все остальные участники «Братства Серафима Саровского». Двое из них (С. А. Аскольдов и И. М. Андреевский) даже ездили в декабре 1927 года в Москву к митрополиту Сергию с текстом обращения верующих Ленинградской епархии, требовавших от него отказа от проводимой им церковной политики. Делегация состояла из четырех человек: помимо С. А. Аскольдова и И. М. Андреевского, представлявших ученую интеллигенцию Ленинграда, в нее входили также Дмитрий, епископ Гдовский, и отец Викторин Добронравов. Текст обращения к митрополиту Сергию был написан о. Федором Андреевым.

Возвратившись из Москвы, И. М. Андреевский рассказал на собрании «Братства Серафима Саровского» о безуспешных переговорах с митрополитом Сергием и о решении «иосифлян» выйти из его церковно-административного управления. Однако уже вскоре органами ГПУ «иосифлянское» движение в Ленинграде было разгромлено. В феврале 1928 года были арестованы члены «Братства Серафима Саровского». После полугодичного заключения на Шпалерной большинство из них было отправлено на Соловки, где многие погибли.

Годы, проведенные на Соловецком острове, Дмитрий Сергеевич считал главным событием своей жизни. Уже в первое утро своего пребывания там ему посчастливилось встретить о. Николая Пискановского, ставшего его духовным отцом. Об этой встрече Дмитрий Сергеевич вспоминал как о настоящем чуде. Дмитрий Сергеевич был помещен в 13-й «карантинной» роте, располагавшейся в Троицком соборе. Его соседом на нарах оказался скромный священник, присутствие которого вселяло необыкновенное спокойствие. Он сидел на подоконнике и мирно штопал свою рясу. Разговорившись с ним, Дмитрий Сергеевич спросил, не знает ли его собеседник о. Николая Пискановского, к которому ему посоветовал обратиться за помощью воронежский священник о. Александр Филипенко, встретившийся ему на этапе. Нимало не удивившись, священник ответил, что он и есть о. Николай Пискановский.

Впоследствии, когда Дмитрий Сергеевич писал о жизни на Соловках, он использовал художественный альбом с видами Соловецкого острова, рисунки которого он сопроводил комментариями, относящимися к лагерной топографии Соловков. На одном из этих рисунков (изображающем апсиду Преображенского собора) Дмитрий Сергеевич отметил окно 13-й роты, на подоконнике которого он когда-то впервые увидел о. Николая Пискановского.

Встреча с о. Николаем, полагал Дмитрий Сергеевич, сыграла в его лагерной жизни определяющую роль. Отец Николай был духовником всего «катакомбного» духовенства на Соловках, в том числе — и нескольких епископов. Один из них — епископ Максим Серпуховской (Жижиленко), находившийся прежде в ближайшем окружении патриарха Тихона, — называл о. Николая «адамантом православия». Незадолго до своей отправки на материк о. Николай получил открытку от жены, которая написала ему, что всегда радуется, думая о его страданиях за Христа, а теперь просит и его порадоваться о том, что Господь удостоил ее претерпеть гонения. Она была арестована вслед за мужем и отправлена на Соловки. Ее случайная встреча с о. Николаем произошла на пересыльном пункте в Кеми. Дмитрий Сергеевич рассказал об этой встрече в своей книге «Воспоминания».

Близким другом о. Николая был епископ Виктор Вятский (о нем Дмитрий Сергеевич вспоминал с особым теплом. Портрет владыки Виктора находился у него в кабинете и сразу же привлекал внимание посетителей). Владыка Виктор был приветлив и ласков со всеми и при встрече всегда улыбался. Он ходил с конфетками в кар-

манах своей ризы и при встрече угощал ими молодых «урок». Отцу Николаю он говорил, что каждого человека нужно чем-нибудь «утешить»: «Ему тяжело, грустно, а он съест конфетку и повеселеет станет». Д. С. Лихачеву, обессиленному после перенесенного тифа, он присылал понемногу зеленого лука со сметаной, и с тех пор это оставалось его любимым блюдом. Вскоре после выздоровления владыка Виктор и о. Николай устроили Дмитрия Сергеевича на работу в Криминологический кабинет, ставший для него, по его словам, «вторым университетом» (прежде всего благодаря общению с философом А. А. Мейером).

По словам Дмитрия Сергеевича, ласковость и сердечная доброта сочетались во владыке Викторе с огненностью протопопа Аввакума. Вместе с другими «иосифлянами» он тайно служил в «катакомбных храмах» под открытым небом. Один из таких «храмов» находился на небольшой поляне, окруженной березовым лесом, второй — в глухом лесу под семью большими елями. Владыка Виктор рассказывал своим лагерным друзьям о жизни Максима Исповедника, в котором видел образец и для собственного исповедничества истины во Христе. По словам Д. С. Лихачева, владыка Виктор принимал все тяготы лагерной жизни с радостью и глубокой благодарностью Богу за посланные страдания. Дмитрий Сергеевич говорил, что, находясь на Соловках, он понял отличительную черту «русской святости» (открывшуюся ему в образе епископа Виктора), которая заключается в том, что русский человек счастлив пострадать за Христа.

В конце жизни Дмитрию Сергеевичу удалось найти дочь о. Николая Пискановского Ксению Николаевну, проживавшую в Тутаеве. В своих письмах к ней Дмитрий Сергеевич расспрашивал о судьбе о. Николая и владыки Виктора. Он узнал, что после Соловецкого лагеря о. Николай был отправлен в лагерь на станцию Кузема севернее Кеми, а затем — в Архангельск, где жил в крайней нужде, совершая ежедневно тайную службу в домашней церкви. Одновременно с ним в Архангельск был сослан бывший заместитель патриаршего местоблюстителя архиепископ Серафим Угличский, который несколькими годами ранее передал церковное управление митрополиту Сергию (не зная о соглашении, достигнутом с ним органами ГПУ) и очень из-за этого сокрушался. В Архангельске о. Николай навестил его друг епископ Виктор Вятский, направлявшийся в усть-циемскую ссылку. Вместе с архиепископом Серафимом они написали письмо митрополиту Сергию, в котором просили его покаяться, а спустя некоторое время составили проект о соборном «запрещении» митрополита Сергия, который переслали в Гжатск главе «катакомбной» церкви митрополиту Кириллу Казанскому. В последние годы своей жизни о. Николай был близок с группой высланных в Архангельск епископов-«даниловцев», также находившихся в оппозиции митрополиту Сергию. Во главе этой группы стоял настоятель Московского Данилова монастыря архиепископ Федор (Поздеевский), в прошлом — ректор Московской Духовной академии. Вместе с ним в Архангельск были сосланы епископ Ананьевский Парфений и епископ Глуховский Дамаскин; оба они часто служили с о. Николаем в его домашней церкви. У о. Николая был антиминс и полный иконостас кисти Васнецова, написанный на холсте, который ежедневно развешивали во время службы. В конце 1934 года о. Николай был вновь арестован органами ГПУ и умер в архангельской тюрьме 10 апреля 1935 года.

Из писем К. Н. Пискановской Дмитрий Сергеевич составил жизнеописание о. Николая (которое он озаглавил «Жизнь отца Николая Пискановского») и передал на хранение Наталье Владимировне Поньрко.

Сосланный в Архангельск архиепископ Федор (Поздеевский), настоятель закрытого большевиками Данилова монастыря, вывез с собой мощи святого князя Даниила Московского. Через несколько десятилетий эти мощи нашли приют в доме Дмитрия Сергеевича. За полгода до своей смерти он рассказал о судьбе мощей святого князя Даниила в советское время, написав об этом специальную историческую «справку» (См.: Д. С. Лихачев. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 662—664).

По его словам, владыка Федор (чье имя Дмитрий Сергеевич забыл, но помнил о том, что он был ректором Московской Духовной академии) передал их на хранение своему духовному сыну Игорю Евгеньевичу Аничкову, находившемуся в 1933—1937 годах в ссылке в Северном крае, а тот затем переправил их в Ленинград. Профессор английской филологии И. Е. Аничков был старшим товарищем и учителем Д. С. Лихачева. (В молодости Дмитрий Сергеевич брал у него уроки английского языка, они оба были членами «Братства Серафима Саровского», а впоследствии — узниками Соловецкого лагеря.) Бывая в доме у Дмитрия Сергеевича, И. Е. Аничков познакомился с его зятем — Сергеем Сергеевичем Зилитинкевичем, с которым впоследствии его связывала тесная дружба. В конце 1970-х годов, незадолго до смерти, Игорь Евгеньевич передал С. С. Зилитинкевичу ковчег со святыми мощами, а через некоторое время они были перенесены в дом к Д. С. Лихачеву.

Став хранителем мощей святого князя Даниила, Дмитрий Сергеевич поместил их в своем кабинете на одной из книжных полок. В эти годы он испытывал постоянное давление со стороны государственных органов. После неудачной попытки тех же «органов» поджечь квартиру Дмитрия Сергеевича он был вынужден искать более надежное место для хранения святых мощей. В начале 1980-х годов он передал ковчег с мощами известному русскому богослову о. Иоанну Мейендорфу, профессору Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке, который пообещал вернуть их в Россию после того, как гонения на церковь прекратятся. Отец Иоанн выполнил свое обещание: вскоре после возрождения религиозной жизни в России мощи святого благоверного князя Даниила Московского были возвращены в Данилов монастырь.

Дмитрий Сергеевич до конца жизни сохранял светлую память о тех священнослужителях-«иосифлянах», которых он встретил в молодости в Ленинграде и на Соловках: о. Сергии Тихомирове, о. Викторине Добронравове, владыке Викторе Вятском, о. Николае Пискановском и других новомучениках, которых некоторые последователи «сергианской» линии Русской Церкви продолжали считать «раскольниками». Надеясь на их «реабилитацию» со стороны нынешней церковной власти, Дмитрий Сергеевич написал в письме Патриарху Алексию II о своем желании примирения бывших «сергиан» и «иосифлян», свидетельствуя о том, что среди последних он «встретил в высшей степени достойных людей, твердых в вере».

«Иосифлянская» прививка, полученная в молодости, сыграла большую роль и в более зрелые годы жизни Дмитрия Сергеевича. Выше всего он ценил духовную свободу человека, свободу совести, независимость религиозной жизни от любых форм идеологии. Поэтому Дмитрий Сергеевич был последовательным сторонником отделения церкви от государства. У него был свой идеал церковной жизни — семейно-приходской, который он называл «жизнь приходом».

Помню, с какой большой симпатией Д. С. отзывался об Иване Михайловиче Стеблина-Каменском (сыне своего университетского друга профессора М. И. Стеблина-Каменского) и о его семье, в которой его особенно привлекало обаяние духовной жизни и ее настоящий христианский уклад. Думаю, что именно с этой семьей Дмитрий Сергеевич связывал свой идеал «приходской жизни». У него была идея любовно-дружеского объединения нескольких православных семей (обычно разобщенных в условиях современного города) в небольшие церковные приходы. Христианская жизнь этих семейств строилась бы вокруг приходской церкви, укрепляемая нравственным авторитетом их духовника — настоятеля храма.

По замыслу Дмитрия Сергеевича, каждое из этих семейств (лучше всего многодетных) было бы окружено другими православными семьями, объединенными совместной церковной жизнью, взаимопомощью в воспитании детей, совместными путешествиями и посвященным культуре досугом. Дмитрий Сергеевич мечтал даже о создании в таких приходах семейных столовых, которые облегчали бы следование постам и служили бы сближению людей. (Он помнил о семейных столовых в Ленинграде в 1920-х годах; в одну из них ходил его отец, когда семья летом уезжала на дачу.) Сближение людей, создание красивых семей и целых духовных сообществ — кажется, это была постоянная мечта Дмитрия Сергеевича, его любимая идея «жизни приходом».

Помогая Дмитрию Сергеевичу разбирать его архив, мы с Е. Г. Водолазкинским часто находили папки с пометой «Соловки», которые Д. С. затем откладывал в отдельную коробку. На соловецкую тему он еще собирался писать. В одной из таких папок (с надписью «Слѣдственное дѣло Д. С. Лихачева») были собраны материалы, касающиеся его участия в «Космической Академии наук» и в «Братстве Серафима Саровского». (Члены этого Братства, обращаясь к преп. Серафиму за молитвенной помощью, надеялись спасти Россию путем личного духовного подвига.)

Среди этих документов меня особенно заинтересовали те, что свидетельствовали о духовной связи членов Братства со старцем Нектарием Оптинским и о личном почитании Дмитрием Сергеевичем этого последнего оптинского старца (впоследствии Д. С. называл старца Нектария одной из вершин русской культуры. См.: Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 467). Особенно меня привлекли две поминальные записки «о здравии» членов Братства и письмо самого старца Нектария Оптинского, адресованное основателю Братства Ивану Михайловичу Андреевскому.

Поминальные записки, по-видимому, читались во время совместной молитвы, звучавшей в начале и в конце заседаний Братства. Одна из них начиналась словами: «Помяни, Господи, о здравии и спасении, молитвами Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского чудотворца, рабов Твоих: Иоанна (Андреевского), Сергия (Алексеева-Аскольдова), Василия (Комаровича), Игоря (Аничкова), протоиерея Сергия (Тихомирова), протоиерея Федора (Андреева), Дмитрия (Лихачева)...» и др. (всего в записке содержится 29

имен, фамилии указаны Д. С. Лихачевым). Во второй записке, написанной рукой И. М. Андреевского, также были названы имена всех членов «Братства Серафима Саровского» (включая Дмитрия Сергеевича), но первым стояло имя старца Нектария Оптинского.

Письмо старца Нектария к И. М. Андреевскому (от 26 апреля 1927 г.), по словам Дмитрия Сергеевича, было написано в ответ на письмо Андреевского, который спрашивал старца о некоторых вопросах церковной жизни. И хотя в своем письме старец Нектарий избегает прямых ответов на поставленные ему вопросы (откладывая их до личной встречи), наличие этой переписки свидетельствует о том, что члены Братства, одним из которых был Дмитрий Сергеевич, находились в молитвенном общении со старцем Нектарием и руководствовались в своей духовной жизни его советами. (Летом 1927 года двое участников Братства — И. Е. Аничков и В. Л. Комарович — посетили старца Нектария и получили от него ответы на волновавшие их вопросы, в том числе и об отношении к митрополиту Сергию, которого оптинский старец назвал «обновленцем».)

Среди прочих материалов «Слѣдственного дѣла Д. С. Лихачева» сохранилась и «Молитва Архангелу Михаилу, грозному воеводе небесных сил» (о которой через 40 лет после ареста участника «Братства Серафима Саровского» Дмитрий Сергеевич напишет специальное исследование), и один из первых опытов его «автобиографических записок», написанных в шуливой манере якобы от лица его будущего биографа — историка Космической Академии наук. В этих «записках» Дмитрий Сергеевич (которому в то время едва исполнилось 20 лет) сохранил стиль и орфографию старого доброго времени и предсказал скорый конец большевистской эпохи, который, согласно прогнозу «академика КАН», должен был наступить уже в 1932 году. Приведу небольшой фрагмент из этих его «записок», созданных, по-видимому, в 1927 году:

«Дмитрій Сергѣевичъ Лихачевъ родился 15 ноября ст. ст. 1906 г. в семье инженера-электрика Сергея Михайловича Лихачева, служившего въ то время въ Почтово-Телеграфномъ Вѣдомствѣ, состоявшемъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и былъ вторымъ сыномъ въ этой семьѣ... Предки Дмитрія Сергѣевича, как о томъ свидѣльствуютъ показанія его родственниковъ, были купцами старообрядцами. Село Коломенское, вотчина бояръ Романовыхъ и мѣсто пребывания Державной иконы Божьей Матери в періодъ Смутного Времени 1917—1932 гг., — вотъ откуда происходили и предки Дмитрія Сергѣевича. Нѣкоторые сохранившіеся счета по поставкамъ купцовъ Рогожинскаго кладбища въ армию въ кампанію 1812 года показываютъ, что предки Дмитрія Сергѣевича были въ числѣ техъ русскихъ, которые не жалели личныхъ средствъ для блага Родины. Когда предки Дмитрія Сергѣевича переселились въ Петербургъ и что ихъ къ этому побудило, — неизвѣстно. <...> Ходилъ прадедъ Дмитрія Сергѣевича всегда въ поддевке и русскихъ сапогахъ, былъ убежденнымъ старообрядцемъ и признавалъ лишь одну славянскую грамоту, отвращаясь отъ книгъ, печатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ. Это не мешало ему бывать въ Парижѣ, гдѣ его русской костюмъ и длинная борода привлекали всеобщее вниманіе, и имѣть обширные знакомства, въ томъ числѣ съ графомъ Дмитриемъ Толстымъ (тогдашнимъ министромъ просвѣщенія) и вел. кн. Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Но уже дѣдъ Дмитрія Сергѣевича былъ единовѣрецъ. Родился Дмитрій Сергѣевичъ по странности судьбы на Англійскомъ проспектѣ: ни номера дома, ни квартиры, гдѣ это произошло, установить не удалось. Рассказываютъ, что мать Дм. Серг. передъ его рожденіемъ была свидетельницей расстрела рабочей демонстраціи во время беспорядковъ 1906 г. Несомнѣнно, это имѣло вліяніе на позднейшее отношеніе Дмитрія Сергѣевича къ революціи. <...> Мѣсяць ноябрь, въ который онъ родился, несомнѣнно наложилъ отпечатокъ на характеръ Дмитрія Сергѣевича, побудившій его между прочимъ занять кафедру «меланхолической филологіи» въ стѣнахъ Академіи...»

Мне кажется, для пониманія «внутренней» жизни Дмитрия Сергеевича чрезвычайно важно и его отношение к поэзии. Помню, как-то раз при мне Д. С. Лихачеву был задан вопрос о его встречах с Анной Ахматовой. Дмитрий Сергеевич рассказал, что обычно он приходил к Ахматовой вместе с В. М. Жирмунским. В Комарове она принимала их, сидя за письменным столом, расположенным поперек окна, слева от которого была полочка со сборниками ее стихов. Не поднимаясь, Ахматова доставала один из этих сборников и начинала разговор о стихах. Иногда она говорила о том, что ее задевало: об издательских ошибках, о неправильном толковании ее стихов или, например, о том, что в парижское собрание ее сочинений Г. Струве включил стихотворение, которое вовсе ей не принадлежало. Когда речь заходила об их современниках, они оба — Ахматова и Жирмунский, бывшие почти ровесниками, — говорили о людях, давно умерших, так, как будто бы они были еще живыми.

Вспоминая об этих встречах, Дмитрий Сергеевич сожалел только о том, что не сделал записей этих разговоров, опасаясь интереса к ним со стороны государственных органов. Особенно яркое воспоминание сохранилось у него об одной из таких встреч, в которой принимал участие Роман Якобсон. Дмитрий Сергеевич вместе с В. М. Жирмунским встретили его на платформе в Комарове, после чего отправились в гости к Ахматовой. По словам Дмитрия Сергеевича, это был удивительный праздник, во время которого у него возникло ощущение, будто они перенеслись совсем в другую, давно ушедшую, эпоху.

Однажды я спросил Дмитрия Сергеевича о его отношении к поэзии Арсения Тарковского. Дмитрий Сергеевич ответил мне, что стихи Тарковского ему особенно близки и что они обладают такой же целительной силой, как и слова молитвы. (Это «врачевальное искусство» поэзии Д. С. Лихачев впервые ощутил на Соловках, когда он и другие «КАНовцы» спасались, читая наизусть стихи Пушкина, Блока, Заболоцкого, Мандельштама. Впоследствии этот свой лагерный опыт Дмитрий Сергеевич сформулировал в «Советах идущему по этапу», один из которых звучал так: «Верующий — тверди молитву. Неверующий — тверди стихи».)

Говоря об Арсении Тарковском, Дмитрий Сергеевич вспомнил о встрече с ним в Узком и сообщил, что у него хранятся письма поэта. Уже после смерти Дмитрия Сергеевича эти письма нашла и показала мне И. В. Федорова, хранитель архива Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме.

Начало их переписки было связано с подготовкой однотомного собрания стихотворений А. Тарковского в издательстве «Художественная литература» (вышедшего в свет в 1982 году), к которому Дмитрий Сергеевич согласился написать предисловие. В своем письме Д. С. Лихачеву, датированном 12 сентября 1980 года, А. А. Тарковский кратко охарактеризовал основные принципы своего поэтического творчества:

«Что до моих стихов, то я всегда, составляя книги, относился к ним весьма придирчиво. Естественно, что в течение пятидесяти лет я писал стихи, порой уклоняясь несколько от однажды избранного направления, впрочем, не выходя за пределы норм языка, и всегда веруя в то, что чувство должно поверяться разумом, а разум чувством. Одно время мне казалось, что поэзии не вредит повышенная противу среднего лада экспрессия, иногда полагал, что надо писать, так сказать, не словом, а группой слов. Но к старости моя задача свелась к тому, чтобы не терзать читателя излишне и стараться быть не слишком сложным с начала до конца стихотворения. Одновременно с этим письмом посылаю Вам свою последнюю книжку («Зимний день»), чтобы показать, к чему я пришел. Каким бы ни оказалось Ваше предисловие — пусть суровой сурового, для меня будет великой радостью, если оно украсит мою книгу».

Над этим предисловием Дмитрий Сергеевич работал осенью 1980 года, находясь в санатории в Узком. Тогда же состоялась и их встреча с А. А. Тарковским, о которой они оба впоследствии вспоминали со светлым чувством. Во время этой встречи Дмитрий Сергеевич попросил Арсения Александровича прислать ему автобиографию, чтобы использовать ее при написании вступительной статьи.

Когда предварительный текст статьи был написан и отправлен в издательство, вдруг оказалось, что редакция не принимает некоторые из положений этой статьи и настаивает на их исправлении и доработке. Однако Дмитрий Сергеевич отказался переделывать написанный им текст. В итоге предисловие к сборнику стихов Тарковского было написано другим автором. Тщетно Арсений Тарковский пытался убедить редакцию принять текст Д. С. Лихачева без изменений: все его старания остались безуспешными. Об этом он написал в письме к Дмитрию Сергеевичу 7 декабря 1980 года:

«Я очень огорчен тем, что Вы отступились от меня (предисловие)... Моя редактриса просто боится Вас и Вашего слишком громкого имени, как автора предисловия к моей книге. Я умолял ее уговорить Вас закончить его... Пожалуйста, простите меня, не сердитесь на меня, потому что Вы для меня, особенно — после встречи в Узком, стали чрезвычайно дороги. Я испытываю мучительное чувство вины перед Вами. Как я и опасался, особенно неприемлемой частью Вашей статьи для редакции стала цитируемая Вами моя скромная автобиография, — а что мне было делать, если Вы наказали мне ее написать? Я так огорчен этой печальной историей, что Татьяна Алексеевна через каждые десять минут приходит ко мне утешать меня. Очень мне худо!»

Впрочем, это несостоявшееся предисловие Д. С. Лихачева к книге стихов Арсения Тарковского не повлияло на отношения между ними. В конце 1980 года Дмитрий Сергеевич послал А. А. Тарковскому две вновь изданные книги — «Поэтику древнерусской литературы» и «Памятники литературы Древней Руси. XII век». В своем ответном письме (от 6 января 1981 г.) А. А. Тарковский благодарил Дмитрия Сергеевича за подаренные им книги и писал по поводу них следующее:

«Ваша работа («Поэтика») — труд замечательный, благодаря ему начинаешь внимательно присматриваться не только к тому — «что», но и к тому — «как»... Уж меня мучит раскаяние, что я со времени юности не занялся древней русской литературой, какая это прелесть! Какая духовность в каждой фразе, в каждом слове!.. Кое-кого, кто упомянут в комментариях, я знал, например — А. С. Орлова, он профессорствовал на Высших гос. лит. курсах (последыше Брюсовского института) при Союзе поэтов, где я учился... У нас была отличная профессура: С. И. и А. И. Соболевские, Рачинский, Грифцов (переводчик Бальзака) и многие другие. А многих я забыл, помню только, что это было пуще Ликия. Андрей Белый вел у нас курс прозы, — это было очень похоже на торнадо на море или на самом в пустыне».

В 1981 году в «Дне поэзии» вышла статья Дмитрия Сергеевича, посвященная сборнику стихотворений А. А. Тарковского «Зимний день». По иронии судьбы, эта статья Д. С. Лихачева оказалась в одном журнале с крайне недоброжелательной статьей В. Кожина, также посвященной творчеству Тарковского. Впрочем, благодаря умной и доброй статье Дмитрия Сергеевича весь негативный заряд кожиновской статьи был сведен на нет.

Прочитав статью Д. С. Лихачева, А. А. Тарковский ответил ему благодарственным письмом, датированным 15 января 1982 года:

«Теперь мне дали «День поэзии», с Вашей и Кожина статьи. Статья Кожина произвела на меня тягостное впечатление, потому что я не могу отнестись на свой счет его попреки. Ваша же статья была для меня утешением. Вы меня поняли по доброте Вашего сердца, и я очень, очень благодарен Вам... Я верю, что основное качество поэта (лирическая поэзия) — способность к гармонии, Кожин, видимо, видит качество поэта в другом. Но — «хвалу и клевету приемы равнодушно — и не оспаривай...». Я и не оспариваю. Бог с ним...»

В этом же письме Арсений Александрович выразил сердечное соболезнование Дмитрию Сергеевичу в его глубоком горе, связанном с гибелью его дочери Веры Дмитриевны, и попросил у него прощения за то, что не рискнул написать ему ранее, «зная, что нет слов, способных облегчить такую печаль, такую убийственную печаль. А я хотел бы отыскать такие слова, потому что и Вы, и Ваша семья при первой же нашей встрече стали мне очень дороги...».

Несомненно, между А. А. Тарковским и Д. С. Лихачевым было духовное родство, которое они оба интуитивно ощущали. В своей статье, вышедшей в «Дне поэзии», Дмитрий Сергеевич охарактеризовал основные мотивы поэтического мира Тарковского (мотивы «странничества» и «царственной нищеты») и его способность жить сразу «всеми временами своей жизни», своей единой «скитальческой» судьбой.

Это свойство поэтического сознания Тарковского оказалось особенно близким Дмитрию Сергеевичу, который еще в юности осознал надвременность человеческой личности и ее судьбы и вневременную ценность каждого момента ее земного бытия. В конце 70-х — начале 80-х годов он отметил в одной из своих записных книжек следующую мысль:

«Время — лишь одна из форм видения мира (как из окна вагона). Все, что было, не ушло в небытие. Все, до последней мухи, продолжает оставаться... Все бывшее есть!.. Будущее есть сейчас, как есть сейчас и прошлое. Муравей ползет по земле. Ему кажется, что то, что он оставил позади, исчезло совсем, а то, что ему предстоит проползти, еще не существует... Так и мы во времени... Надо поэтому не устремляться к будущему, а преодолевать время...»

Это «преодоление времени» Дмитрий Сергеевич почувствовал в стихах А. А. Тарковского, о чем и написал в своей статье:

«В поэзии художник через свою жизнь входит в область духа, в какое-то наджизненное пространство, где преодолевается ограниченность человеческой жизни. В лирической поэзии прошлое и будущее сливаются с настоящим...»

А. А. Тарковский живет всеми временами своей жизни, всем своим жизненным «скитальческим» путем, начиная с далекого детства... Вся жизнь для него слилась в одно вневременное целое... По существу в поэзии А. А. Тарковского нет ни настоящего, ни ушедшего в неизвестность прошлого, а есть единое, полное глубокого смысла духовное явление, откуда протягиваются нити в будущее, — не только в то, которого еще нет, но и в то будущее, которое уже было... Для А. А. Тарковского-поэта судьба человека едина, и это главное, о чем он думает в своих стихах:

Я гляжу из-под ладони
На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в Книге Бытия.

Не «готов к обороне» в Книге Бытия — это Авель. И главное в судьбе Авеля — смерть. О ней-то, никогда не называя ее, и пишет поэт. Это итог и сжатие жизни в немислимое уплотнение... Не называя смерть смертью, он знает, что она придет для каждого, знает всей душой, знает всей своей поэзией (ибо поэзия — это познание, притом самое мудрое). Но знание это не внушает ему страха, так как он понимает значительность всего происходящего в жизни. «Странничество», «нищета» как вечная потребность в чем-то высшем — это все явления богатства его судьбы, судьбы, в которой сливается прошлое с настоящим и будущим, которая вся — произведение искусства, а потому бесценна, потому-то и бессмертна, потому-то и счастлива, царственна, объединяет его со всей бесконечной землей, по которой он бредет...»

Дмитрий Сергеевич и сам много и напряженно думал о смерти и о ее преодолении, и это то, что действительно роднит его с А. Тарковским. Каждый из них имел свой диалог со смертью и преодолел ее через осознание духовной сущности своего бытия, над которой смерть не властна. И в этом они оба были удивительно созвучны.

«Я понял следующее: каждый день — подарок Бога. Мне надо жить насущным днем, быть довольным тем, что я живу еще лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете».

Это Д. С. Лихачев. А вот о том же — Арсений Тарковский:

... Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

Тонко чувствуя красоту духовной поэзии (к которой относится и лирика Арсения Тарковского), Дмитрий Сергеевич в последние годы часто говорил о красоте церковных песнопений, о возвышенном духе погребальных канонов и стихир и советовал нам включать тексты древнерусской духовной лирики в «Библиотеку литературы Древней Руси».

Тема преодоления смерти особенно настойчиво звучит в записях Дмитрия Сергеевича начала 80-х годов, когда мысль его не могла примириться с гибелью дочери Веры:

«Я возражаю Н. Федорову. Следует не воскрешать отдельных людей — голых, без окружающей их обстановки, культуры, знаний, а надо воскрешать человеческую культуру всех веков в ее целокупности. Надо поэтому не устремляться к будущему, а преодолевать время. Это возможно, если принять, что время есть только форма восприятия бесконечно богатой действительности.

Человек — это не только его тело, его жизнь, а жизнь человека во всем его окружении. Человек может быть воскрешен сразу во всех возрастах, во всем его окружении, со всеми родными, знакомыми и т.д. Он может быть воскрешен только как русский, француз, еврей, т. е. в исторической и культурной обстановке.

Нельзя воскресить одного человека. Можно думать только о воскрешении всего человечества. И когда мы изучаем историю, литературу, искусство, науку, фольклор, обычаи и т.д. и т.п., — мы воскрешаем (несовершенно) именно человечество. Воскрешать прошлое можно только переходя в иную безвременную, вневременную форму бытия».

«Надо быть глухим и немым, но кроме того и чрезвычайно предвзятым человеком, чтобы не видеть, что предсказания, пророчества, вообще всякого рода «общение с будущим» имеет место в жизни как отдельного человека, так и человечества в целом. Время преодолевается на каждом шагу. И самое серьезное преодоление времени — во втором лице Троицы. Второе лицо Троицы было Сыном еще до своего воплощения от Девы Марии. Оно не могло не быть, — иначе следует думать, что Бог до Христа был каким-то иным. Воплощение Христа существовало изначально, вне времени, было надвременным, и только проявилось в определенную эпоху человеческой истории. Бог не может не быть как Творец мира всемогущим и всеведущим, а это означает, что для Него время не абсолютная категория.

У меня существует уверенность, что и пространственность мира, его трехмерность — тоже условно. ...Возможность передачи мыслей на расстоянии — факт несомненный для всякого непредубежденного человека... И вот что замечательно: передача мыслей на расстоянии и вообще пространственная сверхматериальная связь

не зависит от расстояний. Смерть близкого человека можно почувствовать с одинаковой силой, если она произойдет в соседнем доме или на противоположном конце земного шара. Поэтому к словам «Апокалипсиса» «времени больше не будет» (10, 6) можно добавить: и «пространства больше не будет», а следовательно, ни времени, ни пространства как абсолютной реальности нет.

«Чаю воскрешения мертвых». Это положение Символа веры кажется невозможным, если начать думать: как, в каком возрасте должен воскреснуть старый человек или куда денутся те части плоти, которые в результате «коловоращения» всего материального принадлежали разным существам, как отделить плоть человеческую от ее материального окружения и т. д. Н. Федоров задумывался даже над вопросом, куда расселить всех воскрешенных — ведь места на земле не хватит. Но все решается просто, если мы поверим в переход наш со смертью во вневременное и внепространственное состояние, когда вместе с нашей плотью остается во вневременном состоянии все решительно: вся наша жизнь, жизнь человечества и жизнь всей вселенной вплоть до мельчайших событий и т.д. В этом наш «Страшный Суд», и в этом оправдание всего с нами происходящего, ибо происходит с нами именно то, что мы свободно выбрали, определили для себя.

«Все там встретимся?» Именно так. Не только встретимся, но и переживем все в мгновение всевечности, со всею ответственностью за нашу жизнь во времени».

Дмитрий Сергеевич был уверен в неслучайности событий нашей жизни. Он всегда был внимателен к датам. Помогая разбирать архив Дмитрия Сергеевича после его смерти, я обнаружил, что в его записных книжках некоторые записи имеют даты, приуроченные к церковному календарю.

Думаю, что неслучайным был и день, когда он нас оставил: 30 сентября 1999 года. Дмитрий Сергеевич ушел на исходе второго тысячелетия — в день святых великомучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. В этот день он всегда чтит память двух дорогих ему людей — матери Веры Семеновны и дочери Веры. Своим уходом он — хранитель тысячелетней памяти русской культуры — как бы подвел итог самому трагичному веку в истории своей страны, окрашенному кровью миллионов мучеников веры и любви, пронеся через всю свою жизнь надежду на то, что все прошлое существует вневременно в памяти Божией.

Вера, что со смертью человек обретает новое бытие, когда пространственно-временные категории теряют смысл, но при этом жизнь личности и жизнь всей вселенной остаются сохранены, Лихачев прибегал к наглядному сравнению этого состояния «...с пластинкой или диском, на котором записана не только жизнь наша, но и всего существующего во времени». И уточнял: «...жизнь вселенной не просто проигрывается иглой времени, но звучит и видится сразу, вневременно и всезнающе для Бога и для нас, «запертых» во времени». Видя всю свою жизнь сразу, человек отвечает за все свои поступки и за каждый свой выбор между добром и злом.

Собравшись в путь загодя, он жил, радуясь каждому новому дню жизни. Приведу запись, сохранившуюся на магнитофонной пленке: «Ожидание смерти было связано с тем, что я ее не боялся. Я и сейчас ее не очень боюсь. То есть я боюсь мучений предсмертных, умереть мучительной болезнью, но самой смерти я не боюсь. Это не хвастовство, это, может быть, недостаток, я не знаю... Этот дар от Бога дан. Надо радоваться каждому году, каждому дню, каждому часу, каждому движению».

Людмила Дмитриевна Лихачева говорила, что отец в последний год перед уходом постоянно читал Новый Завет. В одной из его рабочих тетрадей сохранились выписки из посланий апостола Павла. Начинаются они строками из 5-й главы Первого Послания к Фессалоникийцам.

Первая из этих выписок — «Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес., 5, 3) — была сделана, по-видимому, не без влияния И. Е. Аничкова, обратившего его внимание на то, что слова о «мире и безопасности», часто повторявшиеся в советской прессе, являются точной цитатой из пророчества апостола Павла о «последних временах»: «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес., 5, 1—3).

По словам Дмитрия Сергеевича, И. Е. Аничков (профессор лингвистики, философ и богослов) видел явные признаки приближающегося конца мира. Подобные мысли посещали иногда и Дмитрия Сергеевича. Вот что он написал в своей записной книжке, которую вел в начале 1980-х годов:

«Мир несколько раз приближался к концу. Так, всякая болезнь приближает смерть, есть «предчувствие смерти». Но думаю, что предчувствие смерти мира, знаки конца сейчас уже настоящие. Зло реально дает знать человеку о своем существовании, как и Бог о своем в ответ на злую волю людей. Наука, которая когда-то отдаляла

нас от Бога, сейчас стала нас приближать к Богу... Генетики уловили присутствие Бога. То же физики, астрономы и т. д. Присутствие Бога ощущается всеми представителями точных наук... Туринская плащаница... Это вообще чудо, явленное ученым. Она существует почти 2 тысячи лет и только сейчас «заговорила». Почему? Я думаю — все это признаки приближающегося конца мира. Конец мира приближается, и не по воле Бога, а по воле человека. Бог «не может» покончить со Своим творением. Но человек по своей изначальной свободе, конец которой приходит, но еще не наступил, может разрушить мир. И хочет это разрушение приблизить. Своего рода «воля к самоубийству». Бог не хочет этого и приоткрывает завесу над проблемой Своего существования. Явление свое в науке, в Туринской плащанице, изучаемой учеными, т. е. явившейся именно сейчас ученым, науке в первую очередь, — это последняя попытка вернуть людей и мир к жизни, спасти его от самоубийства, сделать людей еще более ответственными за свои ужасные поступки. Да будет Воля Твоя!»

Думаю, что именно христианская любовь к людям, звучащая в этих строках, и ответственность за их судьбу определили особое «просветительское» служение Дмитрия Сергеевича в последние годы его жизни, когда он духовно просвещал своих младших современников словом добра и красоты. Определяя свое личное отношение к «последним временам», Дмитрий Сергеевич сверял его со словами апостола Павла о том, в каком состоянии духа христианин должен жить в ожидании конца мира. Сделанные им дальнейшие выписки из Первого послания к Фессалоникийцам свидетельствуют именно об этом:

Стих 8: «сыны дня» («Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения»).

Стих 16: «Всегда радуйтесь».

Стих 19: «Духа не угашайте».